

Уголки его губ изогнулись в мягкой улыбке. Эта улыбка, казалось, ничем не отличалась от его прошлых улыбок, но если присмотреться, можно было заметить, что у него дрожали губы. Его щеки также дрожали, как и всё лицо, а затем, в одно мгновение, из его глаз потекли слёзы.

Молодой человек улыбнулся, взглянув на старшего полицейского, а затем – на младшего полицейского рядом с ним. Лицом он улыбался, но слёзы непрерывно лились из его глаз, стекая по уголкам рта и губам.

Тёплый и яркий солнечный свет всё ещё светил, отливая золотом на его волосах. Юноша всё улыбался и плакал, снова и снова повторяя:

— Это не он... Это действительно... он не...

В комнате слышались только слабые вздохи Лин Сяо. Он упрямо подавлял крик, но было и то, чего он не мог подавить, несмотря ни на что. Он смотрел на каждый угол комнаты с той же улыбкой, что и прежде. Единственным местом, на которое он категорически отказывался смотреть, была кушетка, покрытая белой простыней, и то... то, что скрывалось под этой простыней.

— Это не он...

Самые эмоциональные члены команды, наблюдающие за этой сценой в студии, уже мягко качали головами, заражённые этим чувством «улыбки сквозь слёзы».

Он явно улыбался, но в то же время и плакал, повторяя одно и то же предложение снова и снова. В тихой комнате не звучало иных звуков, кроме его крика с улыбкой на губах. Жун Сюй всё улыбался и улыбался, а затем его голос внезапно затих. На его щеках остались слёзы и улыбка, которая, казалось, навсегда застыла на его губах.

...

В студии повисла тишина. Лишь долгое время спустя режиссёр Лян, наконец, громко крикнул:

— Снято!

Помощница Юй Сьюй быстро выбежала вперёд, чтобы помочь ей вытереть слезы. Гримёр также поспешил на площадку, готовясь помочь Жун Сюю и Юй Сьюй подправить грим в случае, если им придётся переснимать сцену. Но даже если «снято» уже было сказано, слёзы

всё продолжали течь из глаз Жун Сюя, из-за чего гримёр на мгновение впала в ступор.

Жун Сюй охрипшим голосом пробормотал:

— Не волнуйся. Оставь меня ненадолго.

Девушка быстро кивнула, а Жун Сюй отвернулся и закрыл лицо руками. Его пальцы всё ещё слабо дрожали, и по ним продолжали течь слёзы.

Когда весть о том, что «Жун Сюй всё ещё плачет», дошла до ушей режиссёра Ляна и ещё кое-кого, прошло уже три минуты.

Гримёр помогала Цинь Чэну поправить грим, когда он вдруг услышал, как две другие гримёрши шепчутся друг с другом:

— Даже мне хотелось плакать, наблюдая за потрясающей игрой Жун Сюя. Даже сейчас он не может остановиться... он действительно играл от всего сердца, и влияние этой сцены на него было слишком сильным...

Пара тёмных фениксовых глаз тут же помрачнела. Цинь Чэн немедленно встал с кушетки и направился к Жун Сюю. Он мягко крикнул:

— Жун Сюй.

Юноша немедленно обернулся, но слёз уже не было видно; только его глаза всё ещё были красными. Его лицо также было немного бледным и довольно измождённым.

Цинь Чэн был несколько ошеломлён.

Увидев Цинь Чэна, Жун Сюй слабо улыбнулся и спросил:

— Что-то случилось? Зачем я Вам понадобился?

Цинь Чэн минуту помолчал, прежде чем сказать:

— Не расстраивайся.

Жун Сюй слегка кивнул. Они быстро перевели разговор на другую тему, и вскоре к ним подбежал сотрудник полевой службы и сообщил Жун Сюю:

— Директор Лян сказал переснять сцену.

Как только они услышали это, многие члены команды, стоявшие неподалёку, были ошеломлены.

— Ч-что? Это шутка!? Эта сцена была такой прекрасной... почему мы должны её переснимать? Я чуть не расплакалась...

— А я расплакалась... Игра Жун Сюя действительно сильна... я чувствовала себя такой разбитой, видя, как он плачет. Если бы мой лучший друг тоже... боже мой, что я такое говорю!?

Жун Сюй услышав перешёптывания ассистентов, улыбнулся и сказал сотруднику полевой службы:

— Хорошо, я понял. После того, как мне подправят грим, мы с Юй цзе продолжим.

Сотрудник быстро ушёл, но комментарии возмущённых членов команды не прекратились. Они обсуждали этот вопрос живо и в красках, ведь игра Жун Сюя казалась им безупречной. Они также не лгали и о своих эмоциях, поскольку глаза многих людей действительно были красными, а голоса охрипшими. Скорее всего, минуту назад они действительно плакали.

Слушая слова этих людей, Цинь Чэн слегка нахмурил брови.

Жун Сюй уже ушёл подправлять свой грим, и Цинь Чэн обернулся вокруг, после чего подозвал своего помощника и спросить:

— Как он сыграл?

Голос ассистента тоже казался немного подавленным. Он склонил голову и честно ответил:

— Он улыбался и плакал... Он так хорошо сыграл...

То есть, все здесь присутствующие видели воочию актёрское мастерство Жун Сюя... Все, кроме него!?

Мужчина внезапно помрачнел. Впервые за всё время съёмок Цинь Чэн действительно пожалел о том, что вызвался на эту роль.

Однако все его сожаления были бесполезны. Эта сцена была быстро снята снова во второй раз. Но и во второй раз режиссёр Лян почему-то не был удовлетворен и заставил Жун Сюя

переиграть в третий раз. После третьего дубля режиссёр Лян пересмотрел отснятый материал на экране компьютера и, наконец, удовлетворенно кивнул:

— Довольно; эта сцена снята. Давайте используем первый дубль.

Все:

— ...

Жун Сюй:

— ...

Цинь Чэн:

— ...

Да что ты за человек такой?!

Любой, кому снова и снова пришлось бы переживать и пропускать через себя эту долгую и очень грустную сцену (даже если это был Жун Сюй), неизбежно чувствовал бы моральное и физическое истощение.

Сцены со слезами – тяжёлое испытание для актёров. Если кто-то просто хотел играть и думал, что выплескивания слёз будет достаточно для такой сцены, то он просто притворился, что плачет, а не плакал.

Когда человек действительно вживался в своего персонажа, он чувствовал, будто всё это случилось с ним самим, и плакал вместе со своим героем. Некоторые актёры даже впадали в депрессию, но не из-за каких-то реальных жизненных причин, а из-за фильмов, в которых они снимались. Они действительно вживались в роль и не могли из неё выйти, намертво погрузившись в неё.

Конечно, Жун Сюй вышел из роли всего за три минуты, но на время той минуты, когда он играл на камеру, он, казалось, действительно стал Лин Сяо. Никто на съёмочной площадке не знал, как реагировал Лин Сяо, когда увидел тело Гу Минсю восемь лет назад, но все они чувствовали, что реакция, продемонстрированная Жун Сюем, уже была самой близкой и лучшей из всех возможных. Какая ещё может быть реакция?!

Величайшее горе было настолько печальным, что могло повлиять на окружающих людей и заставить их плакать вместе с героем.

После съёмки этой сцены, все съёмки на сегодня были закончены. Это была сцена смерти второго героя, и согласно правилам команды, они не могли не устроить прощальную вечеринку. Но поскольку этого героя играл не кто-то, а Цинь Чэн, то даже режиссёр Лян не знал, как ему поднять этот вопрос, поэтому он не придумал ничего лучше, как попросить Юй Сьюй спросить Цинь Чэна об этом лично.

Режиссёр Лян потер руки:

— Сяо Юй, помнится мне, вы когда-то работали вместе с Цинь Чэном над фильмом?

Юй Сьюй тихо ответила:

— Это было пять лет назад... Директор Лян, тогда я играла второстепенную роль, и у меня не было совместных сцен с Цинь Чэном...

Режиссёр Лян замолк.

Тем не менее, этот вопрос всё же был улажен. Юй Сьюй что-то пробормотала себе под нос, а затем отправилась искать Жун Сюя. Вскоре после этого Жун Сюй сам подошёл к Цинь Чэну и с улыбкой спросил:

— Не хотите устроить прощальную вечеринку сегодня вечером? Просто все смогут немного отпраздновать, и это можно будет считать прощальной вечеринкой в Вашу честь.

В этой команде только режиссёр Лян и сценарист могли считаться старшими для Цинь Чэна. Поэтому сегодня только они двое вручали ему красные конверты Яцзин. Однако все остальные также хотели отпраздновать завершение сцен Цинь Чэна и устроить небольшую вечеринку.

Глядя на тёплую и нежную улыбку юноши, Цинь Чэн слегка приподнял бровь и не мог отказаться.

Таким образом, под бурные крики членов команды, после окончания рабочего дня режиссёр Лян повёл всех в ресторан рядом с Городом Кино города S.

В это же время в Интернете, наконец, появился Хань Янхао, который молчал целый день, никак не комментируя ситуацию.

Хань Янхао опубликовал заявление: «Справедливость в сердцах народа»